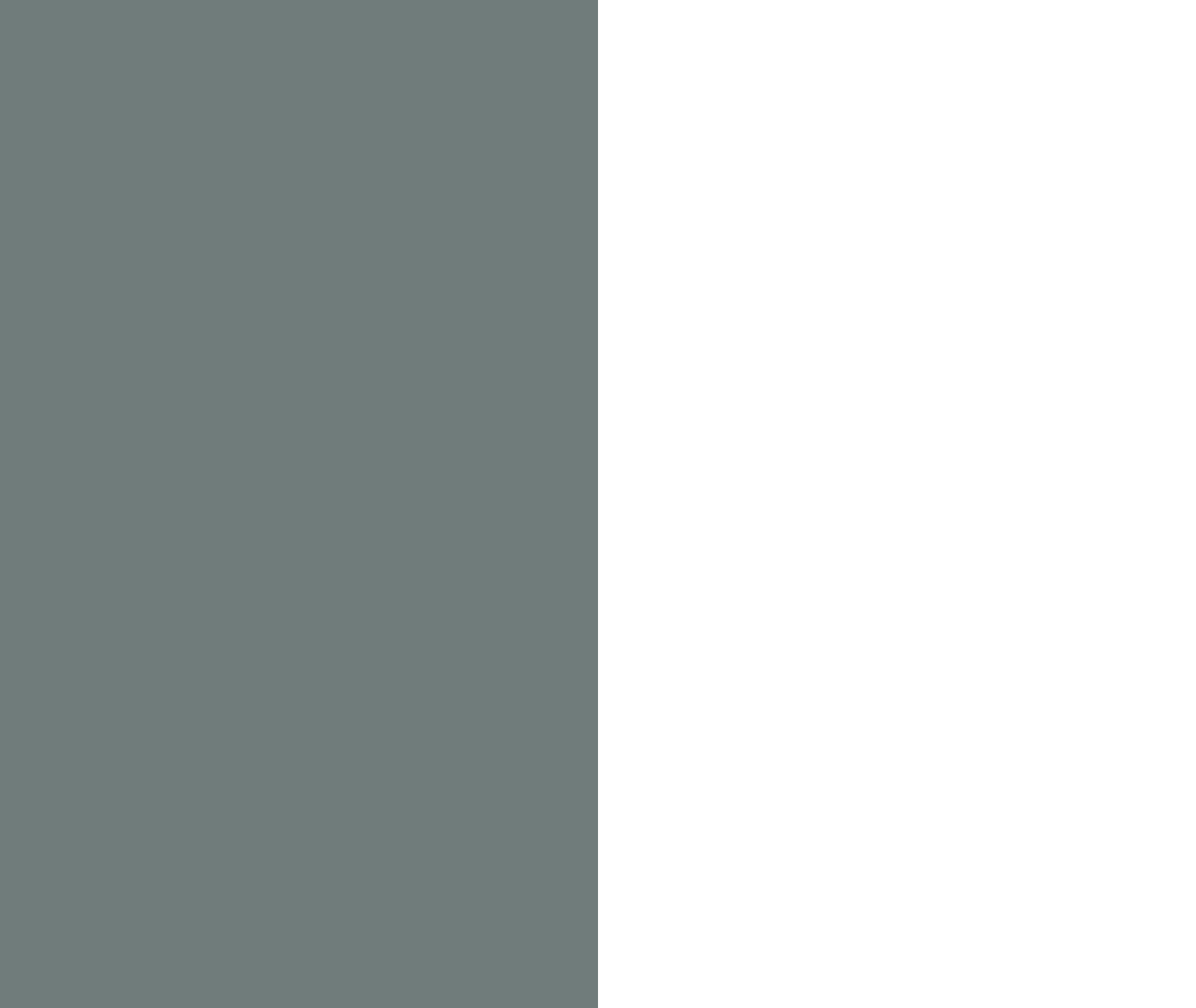

Борис Колымагин

ЗА ПОВОРОТОМ

борис колымагин

ЗА ПОВОРОТОМ

Москва, 2019

Книга издана при поддержке Министерства культуры РФ

УДК 82-1/29
ББК 84(2)
К62

Колымагин, Борис Фёдорович

К62 За поворотом. — М.: Виртуальная галерея, 2019. —
108 с., ил.

ISBN 978-5-98181-121-

© Б. Колымагин, текст, 2019
© В. Николаевский, иллюстрации (вклейка), 2019
© Д. Авалиани, наследники, иллюстрации, 2019
© А. Дмитриев, иллюстрации, оформление, 2019

Владимир Николаевский
Колымагин-пламенный дух в технике коллажа. 2018

аутентичный файл

Мы устали, мы беспечны
Взяли с пристани кули
Слева полыхает вечность
Спозаранку на мели
И знакомая простуда
Подступает ниоткуда
И далекая звезда
Все такое навсегда

Две минуты под дождем
Две минуты подождем
И оставим пустоту
На мосту
Две минуты — час назад
Две минуты — виноват
Потому что бормочу:
«Не хочу».
И пойдём, и не пойдём
Под дождем.

Скалы волнами, волны покоя
То ли грустишь?
То ли летишь?
Мутное небо вчерашнего зноя
Ровная линия — кыш!

Линия точки, точка возврата
То ли весна
То ли красна
Бодрая песня в небе солдата
И в наступление — на!

На — на Гамзатова, на Окуджаву
Вроде не смел
Вроде не пел
Точка выводит в небе октаву,
И комаров беспредел.

Я прячусь от настоящего
в зеленом шуме
в вечернем полете
майских жуков,
ж-ж фантазий,
сиреневые облака.
Я размазываю себя в дороге и разговорах.
Настоящее
прячется от меня.

У стихов далекий день
глаза пурги
я пройду и не оставлю следа
о-е-о
веселое не зги
до обеда
и пускай
немного с небольшим
перевесом о-у-о
пробела
я пойду, наверное, на дым
на костер большого передела
о-и-а
и — а, б, в, г, д
не пугаясь и не беспокоясь
новый файл — п, р, с, т
и другая жизнь
другая повесть.

КОМПОЗИЦИЯ

О женщине

принято

сладость на кончике языка

О мужчине

принято

оттенки смысла

воин – не воин

О море

принято

вдоль берега после ужина

О погоде

солнце садится в тучу

обещают грозу

Послесловие

.....

многоточие

Ваш Борис

однажды дома

Усните — я говорил себе всем
усните — я говорил себе однажды
и газонокосилка кричала:
не надо ничего
но я выползал
выползал из тяжелого сна
и наливал воду из кувшина в чашку
ну ладно — говорил я себе всем
ну ладно — говорил я себе однажды
немного посижу и схожу в магазин
а потом посмотрю
может быть и за окружную
и плавал в надвигающейся жаре
чесал макушку, тупо глядел на скатерть
и все делали вид, что не отошли от сна
и я понукал себя:
ну пошли, за дело!

Я уснул, и спать не хочется,
все не спал
ля — услышал
си — услышал
до-свидания сказал
темная материя
в повороте тела
до диез минор
или фа мажор
или просто
взмах крыла
до-ре-ми-фа-соль
орла
крылья песни в ночи
и дороги ключи.

Слово-песенка
фасоль
пианино пыль моль
слово-песенка
к чертям!
и помчались по гостям
там-ти-там
там-не-там
не гони
гори оно
до соль
посоли свою фасоль
соль
и соль
и соль
и рыба
Ломоносов — наше всё
Холмогоры — наши горы
до-ре-ми-фа-соль
и всё!

алексей максимович горький

Завис компьютер —

много фоток:

жуёт цифровую жвачку,

носится бурундучком

по своим запасам,

вытаскивает

из штолен памяти

буревестника

над волной

А Александр Исаевич
из глубины
и тесноты:
это надо знать
и булыги
ну да
из под глыб
вопрос ребром
ну да
смущает
ну да
трава
сквозь советский асфальт прорастает
каждый решает сам
а Александр Исаевич
уже на поверхности
на уроке российской словесности:
а — ю — я
ну да
в тесноте

Убиваю
убиваю
убиваю
убиваю
в себе раба

Я много топтался на месте
или ходил кругами
и в результате —
под небом расставания —
круги и точки слов.

И это все детали
забытых ожиданий —
«непрожитого навсегда».

Московский музей
«Поглазей»
и всё, что к нему
пришпилено:
дома, люди,
ментальность,
гортанная речь,
и даже весна —
не до сна
подсказка такая
каждый образ
и тот на булавке.

земля туристов

Никаких-то и дел не бывает в округе.
Запоют — ну и что?
Убегут — подождем.
Утро вербное тихо уходит к подруге.
Мы на речке сидим под дождем

и, болтая ногами над скользким обрывом,
как вода пузырится следим,
и тростинкою-кисточкой
в небе безвидном
слово пишем какое хотим.

как хорошо когда не жарко
и можно спать до десяти
лежать в расстегнутой палатке
и сны волшебные крутить
где босиком вдоль за залива
иду с тобой неторопливо

У сытой плоти память коротка.
Возьми меня с собою через реку.
Палатки спят. У огонька
все уговоры — искорки по ветру.
Все разговоры — глаз призывный блеск.
У девушек туристское бытие,
житье-бытие. И перелесок.
Певучий голосок ее.
Как-будто истончилась плоть,
и наше время — плыть, плыть:
не звезды — млечная тетива.
Берег юности — за острова.

Над озером — палаток стайка.
Как важно, что они стоят.
И возникает мир — лужайка,
гитара плещет, голоса.
И стих, теряя содержанье,
течет как гладкие стволы
в синь — заблудиться — зазеркалье,
в бор — затеряться до поры,
отслеживая — циркуль — числа
иных путей, чет-нечет смысла.

Я сегодня взгляну мимоходом
На огни промелькнувшего дня
Я сегодня уйду теплоходом
По фарватеру строчкой звеня
И наткнусь на себя за проливом
Возле острова с длинной косой
Возле ржавого бакена с милой
И крутой, и веселой волной.
Что за вздохи? Далекie скалы
И раздолье — гуляй не хочу.
И знакомые песни-отравы,
Я стою. Я иду. Я лечу.

от Затуленья до —
в омуте сонного летоисчисленья
на березе
канат,
качаюсь над озером —
мечет, мокнет —
выпрыгнул на остров
и отпечатал след,
несколько мыслей веселых спрятал
в дюны.

Забудешь как дверь открыть,
вращаешь ключ не туда,
войдешь — и знакомых предметов напасть,
загомонило.
Пыль на книгах
и грудой консервы — гряда.
Листья шуршат — дождь.
Сядешь на стул: было.

Я вспомнил: ничего там нету.
И только дым, и только звук
гитары. И тропинка к свету
в сплетенье слов, в сплетенье рук.

И всюду «мы», земля туристов,
веселых трудников земли,
плюс караваны жестов, смыслов,
и флаг полощется вдали.

И мы идем везучим маем
и невезучим декабрем,
повсюду вешки расставляем
и миф вокруг себя плетем.

журнал наблюдений

Синичка в стекло постучала
холодно, холодно
во дворе.

Не шибко далеко и немало близко
катится он последнее пение тихих крыл
в дебрях чужого слова
легкий, как стебелек — выше крыши — дел
не дела они вовсе.

Собираю грибы
и слышу — названивает мобильник
я помню
что его выключил
и даже оставил дома
но все равно
знакомая мелодия гуляет в соснах
и убегает к болоту.
Кто-то ищет меня.

На краю одиночества
и полной невозможности ничего
за границей себя
сам
за вертолетом и синевой
ТАТ ТВАМ АСИ*

* *то ты есть (tat tvam asi)*

Болото. И рядом с болотом
построен стекольный завод,
и тянется серое что-то
заводоболоту в обход.

И лица с картофельным носом
на красные трубы глядят,
и кошки лукавым вопросом
хвостом по окошку стучат.

И слышатся всюду речевки.
На кочке фанатов — корова.
И песни: молитвы и четки.
И точный удар с углового.

Фонари как туристы
тянутся
за старухой
с флажком

Не все так однозначно просто
И утро маленького роста
И птица синего пера
На плоском кружится экране
За лентой новостей — цунами
И все такое, и жара.

Цветущая слива
и целлофан запутался в ветках
и слева
и справа
и впереди

японского чая не будет

Жизнь жительствоует
и можно скользить в любую сторону
от собора на горку
или к озеру
или по пешеходной улице
шопинг

финские городки
не оставляют места унынию
несмотря на статистику самоубийств

я в третьем Вавилоне поселился
пока вполне пока не удавился

не из города не
не из времени не

однострок

прямая речь катастрофы

тивериада

С утра туман — совсем не долго
И снова озера сиянье
И кипарисы белых зданий
И я лечу между домами
Между домами-крепостями
Вниз по асфальту как по водам
Иду метровыми шагами
Спешу опять ходить по водам:
Волна ступенек, волны сердца
И у причала сесть — погреться.

Удовольствие дождя:
это ясно без меня.
Рассудительный Сократ
гонит в гавань мысль назад,
и дождевики-серебро
сферы двигает бедро
треугольники летят,
образуя звукоряд
и от ветра не число
хаос капель — понесло
бьет по глади: точка, ноль,
и круги, и слова соль.
Окна разума дождя:
это ясно без меня.

Треугольники побед
и земли велосипед
а в пещере свет не резкий
а в пещере театр теней

если взять число один
то получишь карантин
а внимательно рассмотришь
много всякого всего

а в пещере тусклый свет
треугольники побед
это женщины танцуют
а мужчины говорят

сколько слов и сколько мнений
геометрия речей
выйдем к солнцу, поморгать
травкой нос пощекотать.

Жизнь дарует радость
ветра со снегом
и пляшущих сосен в дюнах.
Архитектура модерна дразнит время
и успокаивает нервы
ни встречи, ни ожидания встречи
и даже не сам, а далекий мальчик
но это не важно

катапультирование в иное.
Тесная комната с камином
вой за окном
и густая серость
рвется — маски и всё такое:
немецких романтиков дрожь.

Фрагмент экрана с луной
за засыхающим тополем
и пьяный, рассеянный свет у запруды
бесмысленный диск,
точнее его отражение
кривится
в объятьях Ли Бо.

китайские стихи

Скульптуры деревьев
иероглифы облаков
и белые кисточки водопадов:
они свешиваются над трассой
и конструкциями из стекла и стали

можно следить за потоком машин
можно следить за силуэтами на скале
или взять кисточку
и написать на асфальте водой
иероглиф Лу или Лю

вода испарится

Когда смотришь на волны,
не думаешь:
просто смотришь;
ищешь глазами кромку —
пенистый вал;
следишь
как он набегаёт на гальку,
шуршит, замирает:
чистый лист,
белая пена.

И даже неба города
спустились в пруд
пока вода
чахлый лист гоняет
гоняет туда-сюда.

Первоцветы
перволичная речь
поэта
пауза
цветущий кизил
желтые лепестки

два пробела

слишком прозрачно
и тонко,
чтобы звать смерть

Андрею Дмитриеву

Стихи как слайды на экране
знакомых и забытых лиц,
огней вечернее метанье,
траво-писание страниц.

Где проработан фон похуже,
где, верно, выдержка не та,
но – если вышло – вдруг закружит
далеких звуков красота.

И, может быть, в потоке рваном
случится связь, найдется нить,
чтобы в мгновении чистом, странном
над преходящим воспарить.

В завидове

Дядя Коля

Работник чинит крышу
и ловит солнечных зайчиков —
девочек и мальчиков.
Трам — бол — тал:
поймал!
И гладит, как в том анекдоте, по головке,
а они его щекочут и откатывают гвоздь.
Работник за ним,
и мы всей ребятней у крыльца стоим
и кричим:
«Осторожно, дядя Коля, не упади!».
А он: трам — бол — тал —
достал.

своим чередом

Каркало врозь и ниспадало
радио из ближайших домов:
тихо вяло на огороде
и таяло,
шло своим чередом.

Кочевое утро
и нулевое
по всем параметрам
кроме
пульсации глубины

оставь это дело на час
и отвори двери сердца

я не готов убираться там

оставь,
чтобы принять гостя

я брошу все
и уйду в поход
в междуречье надежды

оставь и иди
дело внутри тебя

Широкая тень
одинокого мельника
по берегу
XIX век
где черти были
кузнечики цок-
цок – лекарство
июльская вата воды.

Тинде-тонде
день немалый
день томительный и вялый
выше пояса трава
вся в мечтаньях голова

травку мы косить не будем
грядки мы полоть не будем
и забор чинить не будем
ни чинить и ни латать
а купаться и нырять

и еще на раскладушке
ближе к яблоне-подружке
возлежать.

Опытный дачник
чешет с утра
я понимаю, что он понимает:
если кусты не опрыскать —
хана

опытный дачник
день на работе:
раком, не раком —
в дальнем полете
скорость снижаем
если жара

опытный дачник —
дельный совет
вечером рано баиньки, свет
я понимаю, что он понимает
что по сравнению с ним я —
привет.

В деревне тишина всегда громкая
если живая деревня
а тихая тишина — водомерки
поздним утром
в заводи облаков
и еще бывает тишина радостная
когда коричневая вода
голубой становится
и еще...

Сидеть и мурлыкать
через запятую с маканьем
гусеница упала на ладонь
я их не ем
кольца слов
поползли к сочной зелени листа
и развернулись
кораблики в коричневых водах
улетай!
выбери себе любую звезду
и лети
тебе холодно?
тебе грустно?
солнце взойдет завтра
и в третий день
это почти что вечность.

В осинах
в кожанке и черной кепке
стоит мой дядя Аркадий
он прикатил на мопеде
нарезать подберезовиков к ужину
и смотрит на темную подстилку листьев
и мхи
стоит у мопеда
и смотрит

я вижу его
и за ним
серую избу
где волей судьбы оказался
косой забор
и фронтное вчера
пьяную жизнь
с матерком и огородом

я стекленею
но на обратном пути
дорога уходит
в травы и небо
и взгляд оживает
летит

мой дядя Аркадий
не раз проскакивал здесь на мопеде
я тоже иду и не останавливаюсь,
ведь созерцание — это процесс
сродни, может быть, воспоминанию.

Тук-тук
сердце в груди
или капли с крыши
он будет идти целый день — дождь
и не оставит другого выбора
кроме книги
или дальней дороги домой
в город.

у церковной ограды

За поворотом летит слово судьбы
но я оставляю его в ноль
я радуюсь погожему дню
и шоколаднице на бархатцах
шоколадница двигает крыльями
и яблоко, прорезая листву,
гулко стучается о землю
вода сводит яйца
но я все равно окунаюсь
и бегаю в лес.
За поворотом
Колесо убило моего сына.
Вспоминаю — и стекленею
превращаюсь в ноль.
Но обратное ничто
еще не ничто
еще не конец
я радуюсь
тихо тающей жизни
и надеюсь на встречу.

Из нечувствия
ибо окаменело сердце мое
и не радеет о спасении душа:
сохрани в ограде Церкви Твоей
от помышлений суетных
отврати
и —
долгое бабушек пенье
записочки
поминальные
за десять
и за пятьдесят
со-средо
точива
медо
молитва
душу питает.

Птица пролетела или тень ее?

Пятница страстная, крест, небытие.

Женщина, дети — потерянный рай
утро такое — просто вставай
за — остановка — е — разнести
без промедленья — без двадцати

Через усталость, через поле,
Сугробы, темное раздолье
И, как надежда, где-то близко
Колокола.
Там за оградой,
Там, замирая, в уголок...
Святой Николае.
Восток.
Она склонилась над младенцем.
Я подпевал тропарь и сердцем
Теплел.
По небу шла звезда.
Несли дары волхвы сюда.
Здесь, у небесного порога
Возникли Радость и Тревога,
И ангел Божий — миру весть:
Свет разума родился днесь!

Сядемте —
свечи горят,
в хлеву — коровы мычат.
Вечер.
Выйдем и мы на балкон:
холод, далекий звон.
Смирна, ладан,
звезда ведет
волхвов — зрю —
и ангелов хор поет.

Ни и не
В твоём окне
Тополь быстро облетел
А на яблоне
Еще красные яблоки
Соблазна.

Сегодня во мне совершалось движение
похожее на вдевание
нитки в иголку
с непременным промахиванием:
не туда
и опять возвращение
пока не
прошел в игольное ушко
и поспешил к вечерне.

бортеновское сражение

Чистый Понедельник
ты меня прости —
возьму веник
подмести

переписывание

Входит некто православный иудей
Говорит: я самый главный
Свысока на всех людей
Входит некто мусульманин:
Я стрелой буддиста ранен
И в нирване растворен.

набросок

Шоша разлилась, быстрые мутные воды,
кустарник. Враги переходят овраг:

*Жадные московские рати
Хотят тверичей пояти.*

Они пришли за данью, пришли грабить
и убивать. Княжеская дружина Михаила
Ярославовича на бугре встречает объеди-
ненное войско москвичей и татар:

*О Русь моя, умрем теперь:
За нами Тверь!*

Профессор Александр Сорочан ведет
участников конференции «Миг как сюжет»
по желтой глине, по разбухшей дороге.
Бобры в хатках. Зимуют. Добрые глаза бо-
бров — можно представить.
Серо. Небо серое, снега немного, оттепель
22 декабря 1317 года.
Поле вылезает из осинников и болот на ко-
согор, прячет воинов в мелком кустарнике.
Тверская идентичность. Не ордынская
Азия, а дорога на Запад. Стрела — символ
полета. И поклонный крест.

полотно

Река течет в болотах гиблых
Коричневой поет водой
И в снах тревожных и безвидных
Грустит о сечи стержневой

За Шошей тьмы и тьмы Востока
Ордынской конницы напор
И с ними москвичи — жестоко
Святой Руси наперекор.

Они уже ползут по гати,
Им крест и правда — нипочем
Но встали княжеские рати,
Архангел Михаил с мечом.

Но встала Тверь, и слышны трубы,
И благодать на благодать,
И светел лик, и сжаты губы —
Тонка истории тетрадь.

О Тверь моя, игра престолов,
Столица праведной борьбы
И бесконечных проговоров,
И канареечной судьбы.

послесловие

Мы сидели с тобой у костра
Мы сидели с тобой до утра
И увидели смешные глазки бобра.
Он нырнул в свою хатку,
Мы — в палатку.

Было или снилось?
Пряталось и проявилось.

Бой в середине болот
Точное слово — вот.
Вот — мы стоим у реки.
Вот — москвичи,
Наступают враги
И в небе круги
В тумане
В обратной яме.
Миг как сюжет
Как тверской раритет.
Клубится рассвет.
Серое низкое небо
Серый пригорок
Глины пласты

Я и ты.

это всё о любви

Лютой плоти
взор напротив:
страсть, затиснутая в жест —
в беспокойном повороте
головы —
вдогонку чресл.

Я буду вас рифмовать рифмовать
вам — что за дело
я буду вас танцевать танцевать
вам — надоело
нет, не буду, отойду
беспокойно на виду
возле ветерок реке
гордый замок на песке
волны штурмовали
и меня скучали.

стихи на салфетке

Зачем она села напротив?
Ну, села и села, плевать.
Мне все эти бабы, как противень,
Как низкого неба тетрадь.

Но все же она посмотрела
И дернула свой ноутбук.
И я опустил оробело
Глаза, заблестевшие вдруг.

Ах, сколько же этих козявок
Летают в головке моей.
Ах, сколько же этих пиявок
Себе я поставил, злодей!

Не то чтобы
А прямо О
Осоловело высоко
А звезды прямо надо мной
И мы с тобой
Болтаем глупости под ними

Полоска веселая тела
и свежих просторов очки
тебя я хотел
он хотела
движения грубой руки
стрелы молодого молчанья
укусов чужого вниманья

Но есть отчаянная радость
в стихиях плоти свет искать —
проваливаться и — мечтать
о том, что написать неплохо
о путешествии вдвоем
и, может быть, трактат объемный:
«Где Дух Господень, там свобода».
Над озером. Пойду, пойду
за молоком в соседний хутор,
а вечером начнем читать
поэтов — жадных сластолюбцев.
Но ты им, милая, не верь.
И будет сумрак, будут сосны,
виденье светлое над плесом,
а сновиденье — вразумит.

Отдай — повторила она с улыбкой
он повернулся боком к ней
она бросилась и обняла его за шею
всем стало весело
выбежали в сад.
Неправильные посадки яблонь,
малиновых кустов
влюбленные полезли в самый
из заброшенных углов
а остальные прыгали
и бабочка порхала
и солнце на заборе
сушило одеяло.

Зато река — она отрада,
связует годы и преданье.
Но ты зеваешь. Наказанье.
Ну что же, чай пойдем попьем.

Решительная девушка рисует.
К ней море тянется за поцелуем.
Ветрит — и весело маячат корабли.

Я помню, милая, с тобой
мы выходили в час ночной
гулять.
Мы выходили в темный сад
лет сто, наверное, назад
скучать.
Мы выходили, может быть.
Перечитай, чтоб не забыть
Фета.

Впереди лето.

На фотографии этой, на берегу, и той,
на пирсе, мы были таким и такой.
Тогда он не любил говорить о чувстве.
Любовь? Не важно, с чего начать, важно
как пройти путь.
Часто болтал по телефону с приятелем
об искусстве,
а я ждала в постели, грустила.
Однажды он получил большой гонорар
и мы решили кутнуть,
поехали в Юрмалу —
до сих пор не забыла.
А фотографии вот — тогда, такими.

Ее слова не знают побережий
за черепицей — тополя — и выше
летит воланчик — мы смеемся тихо
и убегаем в дюны — в шелест волн.

Весной неплохо слушать соловьи
они себе черемуха овраг
выстукивают нечто о любви
за окружной дорогой так и так
и так и так — и приоткрыт балкон:
она молчит, листает книгу — он.

**абхазия: поэтическое
движение дневника**

И ор собак
в ночное очень
заводятся с полпинка:
страх волка
и чужестранца.

Ручей пересох
и только цветущая яблоня
в русле
еще беседует
со струей.

ВЕНТСПИЛС ВОСПОМИНАНИЙ

Крутишь педаль вдоль моря
или сквозь дюны — в горку
буквы висят на соснах:
в
е
н
и пролетают в тучах:
т
а
тонкого сна
беспокойства
я не знаю, куда двигаться дальше,
но можно крутить педали;
легкий шопинг и все такое.
Вентспилс воспоминаний
дарит восторг.

Labrīt! Labdien! Labvakar! Sveiki!
И полынья между домами
общины русской
и латышской
ее словами не закрыть
но улочки ведут безбедно
к заснеженному побережью
и точки, точки, запятые:
гуляет публика,
а море
обозначает корабли
и рай неведомой земли.
Uz redzēšanas! Sveiki!**

* *Доброе утро! Добрый день! Добрый вечер! Привет! (латыш.).*

** *До свидания! Прощайте!*

знакомая незнакомка

В Вентаве я уснул и вижу
Земля уходит из-под ног
И девушка, мечта Парижа,
Сидит напротив с чашкой снов.

И туфли красными носами
Летят навстречу кораблю
И бренди светит огоньками
На букву Л»
На букву Ю».

И я гляжу на эти звезды
Вдыхаю ласковый прибой
И повторяю: поздно, поздно
Все это будет не с тобой.

**ты знаешь край, где мирт
и лавр растет?**

Я бодро шагаю в картинке
по улочкам узким
ветвистым
скользят по тропинке брусчатке ботинки
к холмам убегающим
чистым
оттенки зеленого всюду
и чистая зелень — луга
и ветка тарелка к десертному блюду
и белая зелень — сыры и снега
и бурая зелень
охристая зелень:
пора посидеть отдохнуть
и граффити в тему:
восточная темень
пора из картинке моей улизнуть.

ее она

ранняя самая утра поезд
она расстегнула кофточку —
холмы Италии
припадая к родной земле —
и уже с кем-то болтала
по мобильнику
смеялась
повышая и понижая голос.

а он сидел по диагонали
кидая взгляд на
точный профиль:
мрамор дышал, жил.

она же смотрела в окно

словно девушка
с картины художника кватроченто.
такое бывает: волны мигрантов,
тюки и все такое
и рядом другой мир.

девушка знала
что есть тайный зритель
она к этому привыкла
и не обращала внимания
хотя как сказать
как сказать...
картинки плыли за окном
и менялась ее поза:
девушка то листала журнал
то доставала мелочи из дамской сумки,
касаясь незримых нитей

за полчаса дороги
она измучила его вконец.

ОПЫТЫ НЕ В СТИХАХ

Размышляющий пейзаж — болота и камни, впадины и скалы. Извилины... И все это перетекает в физиологию: лица жителей северных стран — болота и камни, впадины и скалы. Извилины...

командор и кариатида

В Мадриде дождь, и я пью красное, глядя из окна на кариатиду в доме напротив. У нее большие красивые груди и немного округлое лицо. Неужели сеньорам нравятся такие сеньоры? Тихо. Чу, гитары звон... А вчера болтался по Сеговии, и все оглядывался на снежные вершины да на громаду собора. Вот. Я стою у его ребер, наверху кружева из камня. А здесь — белая, розовая стена. Да, хорошо быть художником — и наблюдать, как дышит камень, как во время заката он становится сиреневым, лиловатым. Интересно, какого цвета сегодня я? Я перестал ощущать свое тело как свое, оно превращается в камень, в статую командора. Нет, извините, но это все-таки моя гортань! Мой язык смакует красное вино. И девушка смотрит именно на меня с той стороны улицы и смеется. Глупая. Брось ты держать эту машину и пошли, погуляем под дождем.

«купальщица» германа брахерта в раушене

Купальщица прекрасна и вожделенна, несмотря на отсутствие следов тонкой чувствительности и отстрелянный нос. Советский солдат поупражнялся однажды в точности стрельбы на скульптуре. Нос чем-то подмазали, и девушку оставили на променаде: последняя немка в зачищенном городке.

Ее тело гибко, грудь волнительна и широки бедра. Она — в обозримом будущем — хорошая мать и хозяйка. К тому же спортсменка и не боится волн.

Широкие волны набегают на песок. Высокие песчаные холмы сползают в море. Купальщица живет в Георгенсвальде и идет среди новорусских строений домой.

На повороте дороги, у железнодорожного переезда, еще сохранился домик ее жениха. Домик памяти — купальщица не боится времени, его волн. Она обходит изваяние красотики из ресторана. Легонько отталкивает обнаглевшего бизнесмена и исчезает в черно-белых фотографиях довоенного Раушена.

Alles, alles, alles.

Читаю Томаса Манна, «Очерк моей жизни». Между двумя мировыми войнами автор записывает: «Я разделял глубокое, судьбам Германии внушаемое волнение мыслящих немцев, чья вера, заключавшая в себе так много истины — и заблуждений, правоты — и неправоты, шла навстречу столь страшным, но по большому счету благотворным, зрелости и росту способствующим урокам».

Всегда хочется смотреть вперед с надеждой, всегда есть горизонт ожидания. Оказывается, Германия перед нацистской катастрофой получила «благотворные уроки». Учительским интонациям писателей нельзя слишком верить.

Ночью явился текст и растворился в утренней дреме. Я вспомнил о нем и поскользился лыжней воспоминаний. Далекое и не совсем далекое. Пересеченная местность. И сказочные узоры. Жизнь, вплетенная в сказку. И шершавая жесткость спуска в овраг. Машина времени, привязанная к ланд-

шафту. И побочные смыслы событий — от-
ветвления, возможные варианты. Попытка
пройти по целине.

Метафора кажется, и ничего более. Но она
вырастает в объеме, играет радугой утрен-
них сновидений. И ты, толкаясь двумя пал-
ками, улыбаешься и несешься вниз.

Борщевики — плод усилий советских лю-
дей, славных селекционеров. Воины Мор-
дора стоят непроходимой стеной: боль-
шие листья и зонтики, могучие корни. Там,
где раньше был луг или лужайка, теперь...
Да, теперь. Но, как ни странно, их отра-
жение в пруду не уродует серенькие про-
сторы. Скорее, наоборот: новые джунгли
дополняют башни облаков и беседку. И во-
домерки скользят, не опасаясь обжигаю-
щего на солнце сока.

Ястребок слился с веткой засохшего топо-
ля — свои уголья рядом с калиткой, которую
смастерил поэт Файнерман. А за калиткой —

мост через речку, тот самый, по которому
как-то раз прополз партизаном перебрав-
ший малость Олег Асиновский.

А в избе разбитый тюфяк, на коем однаж-
ды почивать изволил культуролог Саша
Люсый.

Вот она, паутина предания. Но ястребок
бросается вниз. Секунда — и он у куста
роз. Другая — и он взмывает. С добычей
или без — я не успел заметить.

Воздух ничего не стоит. Голова не болит.
Земля движется учащенным пульсом —
вот так, вот так.

И ноги пускаются в сложную комбинацию.
Руки летят вперед, напрягают сердечную
мышцу.

Запах туи и расслабление в тени. Вот так.
И ничего кроме.

По улице Опаленной Юности к храму архи-
тектора Баженова минут 50. Готические ба-
шенки и звезды издалека. И стрижи — вжик.

1789-й.

Ничего. Кое-как то есть. Восстанавливают не спеша. Новые домики быстро растут вокруг. А здесь не спеша.

И не спеша Коля Байтов выглядывает из сторожки. Он здесь дежурил много лет, радуясь одиночеству. И меня направил по пути боевой славы: «Сходи. До деревни Быково. Издалека увидишь».

Стихи Байтова отдают готикой. Славные такие граммафончики вьюнков. Я представляю себе Колю Байтова на старом месте и захожу в сторожку на чай. Лениво помешиваю ложкой. Говорю: «М-да!». И еще незначашее, совсем незначашее. Он, откидывая назад длинные волосы, стреляет усами и угощает кусочком торта.

Разговор держится на волоске.

Дождь надвинулся незаметно и зарядил, и выгнал отдыхающих с озера. Только круги на воде. Да бутылки с пластиковыми тарелками и вилками вокруг сосен. Пора уезжать. У турникетов на платформу сегодня дежурит поп. Поп-расстрига на новом месте: круглый, стриженный, бритый. Если бы знающие люди

не сказали, что это бывший служитель алтаря, ни за что бы ни догадался.

Над озером русский беседует с таджиком:

— У вас и Моисей есть?

— Да, в Коране написано...

— А написано, что Бог создал Еву из ребра?

Над озером, как и сто лет назад, скрипят уключины и раздается женский визг.

Кругом жарят в мангалах шашлыки, разливают. Но эта пара не пьет. И, несмотря на доморощенный характер беседы, чем-то напоминает философов Сергея Булгакова и Павла Флоренского с известной картины Михаила Нестерова.

Раз — катаем палочку мизинцем, безымянным пальцем, средним... Два — девушка-специалист владеет своим телом. И ничего сексуального: лечебная гимнастика — произведение искусства. Три — группа большеголовых людей. Полное отсутствие координации, дряблость мышц.

Ничего, ничего, работаем. Дыхание диафрагмой. Одна рука на груди, другая на животе.

Раз, два, три — в прохладе кондиционера.
Раз, два, три — геометрия современного мира. Главное, ты здесь не лишний. Ставим ноги на ширину плеч.

тоннельное время

Рядом с обратным ничто ни слов, ни образов нет. Перед операцией мне сделали общий наркоз. И я провалился.

А потом — это был врач. Он помахал рукой: все в порядке.

Я лежал в реанимации и выбирался из тесноты. Казалось, что вот сейчас задохнусь. Врач — на краешке глаза — проводил занятие со студентами.

Я был подопытный кролик.

Нет, ничего нет, кроме отчаянной попытки дышать. Я пытаюсь связать слова, вспомнить молитву.

Пытаюсь нащупать хотя бы мысль, докричаться до внешних жестом. Поверните! Наклоните хотя бы чуть-чуть! Ведь сейчас задохнусь в собственной мокроте.

Из темноты — в борьбу. Качели «Я» и «не Я».

Вот, меня уже нет — и нет слов молитвы. Но я прошу, я пытаюсь. Я есть.

Вот — я замерцал — но слова не о том, да и можно ли их назвать словами?

P.S. Позже я узнал, что жизни моей ничего не угрожало. И легкие мои были подключены к аппарату искусственного дыхания.

Отслеживаю боли в сердце: колющая-тянущая, острая-тонкая. На спуске, на фоне Бештау, двоеточие: скрип-поскрип к роднику.

Это тире. Это знак равенства. Это три параллельные прямые.

У мостика после точки солнечные зайчики прыгают прямо в сердце.

Их много, с разными разговорами и интонациями — в очереди на процедуру, за обеденным столом. Касания приевшихся лиц на прогулке в парке, ква-ква, дружеское кивание за шахматной доской. Но поговорить всё равно не с кем. И судорожно листаешь

записную книжку мобильника, нажимаешь номер. И вот ты уже на линии связи, на волне ожидания. Каждый гудок — па-де-де, пульсация встречи, звуки другого мира. «Телефон абонента выключен или находится вне действия связи». На сегодня всё. Спокойной ночи.

Михалыч спал вполглаза. Будильник тикал: еще 15 минут. И затем очень быстро, с точностью отлаженного механизма движение под рюкзаком. Раз-два, взяли — поздний осенний рассвет. И картинка озера, левитановского болота. Проще на рынке купить, ей Богу. Но разве дело в этом? И усилия по преодолению. Никаких гвоздей.

Колючки и узкая тропа. Одним копытом попадаешь на нее, другим промахиваешься. И мелкие камушки летят вниз. И снова, снова. Почему-то вырастают рога, скручиваются. Кожа — золотое руно.

Стоп. Стоп. Стоп. Мне не выбраться отсюда. Ну почему ты лезешь наверх? Поймают. Поймают и посадят в загон. И будешь блеять с утра до вечера. И тебя будут стричь. Знаю. Боюсь. Знаю. И карабкаюсь все выше и выше — навстречу судьбе.

В зрелом возрасте возникает желание вернуться в старые места. Туда, где прошло детство. Заглянуть в знакомые подворотни. Покрутиться между школой, магазинами и сараями. Коснуться... Только коснуться: you can't go home again. А многим и этого не дано: время снесло их кварталы. Но мне повезло. И вот, и т.д. Легкая музыка подростка, почти неуловимая.

Белые поля, чахлые сосенки и дорожка, утрамбованная снегоходом. Я иду и разговариваю с небом и далью. Как в молодости. Наблюдаю за вороном в ветках и пичугой в кустах. Я слежу за облаками, за красками заката. И припоминаю, что гулял здесь

раньше. Каждая ложбина, каждая полянка манила, звала.

Я разговариваю со старыми домами в поселке. Останавливаюсь на месте песочницы у дедова дома: играл здесь в оловянных солдатиков. Жду за поворотом знакомого: Билла? Фалея?

Вот. Проскакиваю и вспоминаю: домой возвращения нет.

репортаж

После Божественной литургии зашел в Соборную мечеть. Здесь сегодня что-то вроде дня открытых дверей — фестиваль Корана. Мечеть от метро «Проспект Мира» недалеко, но крутить приходится. Зато — вдруг! Это как жемчужина в куче дерьма. Повернул за угол и — сказка. Прошел через металлоискатель, разулся, а шапку не снял. В мечети и в синагоге шапки не снимают. Народу много. Молятся у стены. Ходят по всем этажам. Заммуфтия в музее дает интервью, говорит как телекамера с телекамерой. Музей — это такое открытое пространство с витринами, где лежат образцы Корана и реликвий. К волосу Пророка очередь. Оно и понятно. Религия без святынь не умеет.

Показали фильм о переводах Корана на русский. Оказывается, все с Петра Первого началось. Народ сидит, смотрит. Скучно им, наверное, но терпят.

Дежурные слова о толерантности звучат. И пусть звучат. Хорошо. Особенно на фоне терактов. Всматриваюсь в фотографии Дербента и Волжских Булгар. Забираюсь на самый верх. Взгляд скользит по арабской вязи.

Завораживает мечеть красотой: орнаменты, ковры, витражи. А вот встать вместе со всеми — желания нет. Ноль человека перед Всевышним пугает.

Религия работает с этносами, врастает в них, создает их культуру и мифологию. И дразнит меня. Зовет посмотреть на себя со стороны.

Модус существования.

Львы и олени идут по кругу серебряной чаши. С другой стороны витрины на меня смотрят глаза дочери. Нина. Мечи и кувшины. Всего-то на полчаса зашли. Больше она не выдержит. Главная цель — Макдак. Близкое другое. Свастики — знаки солнца.

Каменные кресты — хачкары — с отбитыми краями. И миниатюры книг. Вот, мы сидим с ребенком в новой миниатюре. Столик на фоне мигающего экрана. Картошка, гамбургер. Музыка в стиле ретро. Что еще нужно для счастья? Экскурсию совершили, усилие сделали. Можно и расслабиться.

в выборге

Они собираются по каждой чайке на камень. Камни в воде — метр, десять, дальше. И тростники.

Они проходят у самых ног и забираются дальше. Маленький островок и перешеек помнят время финского одиночества.

Они оставляют повсюду пластиковые бутылки и упаковки от еды. Горы мусора. Все засрут и протащат чемоданы ментальности: неживые слова, гримасы смеха, битые бутылки образов.

Они проходят у самых ног, и я никуда не прячусь. Зачем? Все равно не отгородиться. Я часть этого мира — как этот замок и многоэтажка на берегу, и чайка на камне.

Никакие умные мысли не вырвут меня из времени и контекста. И только ветерок

перемен... Он освежает немного, шевелит тростник.

Диван покачивается на волнах. Волны земли несут многоэтажку. Я вздрагиваю: мне кажется, что постель поехала куда-то вниз. Или это кошка ползет за спиной? Я пытаюсь коснуться ее шерсти. Какая там кошка? Рука касается гребня волны. Рука отдергивается от одеяла: ударило сильным током. Повернулся на другой бок. И опять где-то сзади: напозавет, шипит. Это уже во мне. Что-то шарообразное, красное и — слабость. Волна схлынула, шуршит по гальке. Но я не сошел с ума. Я, действительно, слышу шум волн. Только вот не могу понять: откуда они? И нельзя ли просто — без них?

Вода ниже человека. Она течет под ногами, под корочкой льда. Поле — каток. Я иду еле-еле, ступаю по шершавым пластам, по сухой траве. Делаю зигзаги в сторону наста.

Наст, правда, может провалиться, не выдержать тяжеловесного мужчину. И сапог окажется в воде.

Я осторожно вытаскиваю ногу из образовавшегося валенка снега. Подтягиваю ее, как в гимнастическом зале, к животу, и делаю шаг. Стою. Вроде держит. И звенит. Небо звенит

А внизу, в глиняных желобках дороги, бегут ручьи. Пока еще вяло бегут, не гласят. Под корочкой льда и снега.

Вода ниже человека.

Вода и небо. И вновь ожившее желание убежать за край земли.

Просто луна — полная. Она освящает лоджию. И я, закинув руки за голову, лежу на узкой кушетке. Лежу и смотрю. Никаких мыслей, аффектов. Ни прошлого, ни е свечи.

Змейка реки в разливах, в болотах. Не поймешь куда идти: рябь коридоров. Влево? Вправо? По серой, еще не проснувшей-

ся в хляби траве. Куда гребешь! Налетели на ветки. Чирок низко пролетел. Я увидел его краешком глаза, пока выгребал.

Поход, как и космическая одиссея, прячет секс в упаковку движенья. Грубые, скрывающие фигуру одежды. Постоянная работа веслом. Много разной физической работы: установка лагеря, выгрузка и загрузка, заготовка дров.

Пение у костра давно ушло из нашей группы. Да и разговоры тоже. Выпили сто грамм для профилактики, поужинали — и в палатку. Рано все-таки вставать. И идти весь день, до сумерек. До костра.

Наш костер в тумане светит... Это другой костер. А у нас — космическая одиссея или героическая поэма. Фродо идет в самое логово зверя, гнется под тяжестью кольца всевластья. А мы? Какую ношу тащим мы?

Да никакую. Все это условности. Такой вот способ выйти за грань повседневности. И все-таки есть здесь немного от эпоса. В самом движении есть.

Вода и завалы. Плакучая сосна перегородила реку. А на ней лежит другая сосна и береза. И по воде не пролезть.

Ну что ж, переносить. Подчаливать осторожно к берегу, чтобы не кильнуть. Чтобы

скоро опять оказаться в живой воде, в струях на перекате.

Стих, там, где он оживает: в мире, где нет дела до живых слов.

Слово цепляется за другое, находит себя в звуке. А фразы, обрывки их — в прошлом и будущем. Нет ничего устойчивого, утверждающего: только так. Семантические сдвиги, ночные шорохи, шаги на ощупь. А им на смену бойкая, не заботящаяся ни о чем речь, слова нараспашку, приблизительно, как придется: главное — ритм.

И уже другая речь: более осторожная, вкрадчивая, картавая. Много бывает всего в одном стихе. Но главное — чувство меры.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Прозрачность», «простота» стихов Бориса Колымагина обманчива. Часто возникает соблазн увидеть здесь непреображенное слово, нечто внепоэтическое, ушедшее куда дальше в обыденность речи, нежели самые бескомпромиссные образцы конкретизма. Но и «непреображенность» здесь обманчива, она — своего рода способ выйти в некое принципиально некультурное пространство, обозначив его как место культуры.

Причем такого рода выход лишь отчасти связан с внутренней речью Всеволода Некрасова, или чистым, незамутненным лиризмом Арво Метса, или медитациями Михаила Файнермана. Колымагин — не во всех, но во многих — текстах работает с самой чистотой минус-приема, приложенного к поэтической функции языка. В этом смысле опыты радикального минимализма, в том числе графического, или вакуумной поэзии, или заумного речевого жеста остаются для Колымагина маргинальными.

Колымагин работает не как авангардист, скорее как примитивист — но примитивист, максимально сжившийся с ролью примитива, «опростившийся», ушедший в загородные поселки, поля, леса, прибрежные зоны. Такого рода трансформация требует максимально возможного слияния затекстового

я в третьем вавилоне поселился	33
не из города не	33
однострок	34
тивериада	34
удовольствие дождя	35
треугольники побед	36
жизнь дарует радость	37
фрагмент экрана с луной	38
китайские стихи	39
когда смотришь на волны	40
и даже неба города	40
первоцветы	41
стихи как слайды на экране	42

в завидове

дядя коля	44
своим чередом	44
кочевое утро	45
широкая тень	46
тинде-тонде	46
опытный дачник	47
в деревне тишина всегда громкая	48
сидеть и мурлыкать	49
в осинах	50
тук-тук	51

у церковной ограды

за поворотом летит слово судьбы	54
из нечувствия	55
птица пролетела или тень ее?	56
женщина, дети — потерянный рай	56
через усталость, через поле	56
сядемте	57
ни и не	57
сегодня во мне совершалось движение	58
чистый понедельник	58
переписывание	58

бортеневское сражение

набросок	60
полотно	61
послесловие	62

это всё о любви

лютой плоти	64
я буду вас рифмовать рифмовать	64
стихи на салфетке	65
не то чтобы	65
полоска веселая тела	66
но есть отчаянная радость	66
отдай – повторила она с улыбкой	67
зато река – она отрада	67
решительная девушка рисует	68
я помню, милая, с тобой	68
на фотографии этой, на берегу, и той	69
ее слова не знают побережий	69
весной неплохо слушать соловьи	70

абхазия: поэтическое движение дневника

эвкалипт кончается на «т»	72
льдины и лебеди	73
луна и венера	73
и ор собак	74
ручей пересох	74

вентспилс воспоминаний

крутишь педаль вдоль моря	76
labrīt! labdien! labvakar! sveiki!	77
знакомая незнакомка	78

ты знаешь край, где мирт и лавр растет?

я бодро шагаю в картинке	80
ее она	80
итальянский полдень	82
венеция	83
анкона	83

опыты не в стихах

размышляющий пейзаж	85
командор и кариатида	85
«купальщица» германа брахерта в раушене	86
читаю томаса манна	87
ночью явился текст	87
борщевики – плод усилий советских людей	88
ястребок слился с веткой засохшего тополя	88
воздух ничего не стоит	89

по улице опаленной юности.....	89
дождь надвинулся незаметно и зарядил... ..	90
над озером русский беседует с таджиком.....	91
раз – катаем палочку мизинцем, безмянным пальцем, средним.....	91
тоннельное время.....	92
отслеживаю боли в сердце... ..	93
их много, с разными разговорами и интонациями... ..	93
михалыч спал вполглаза.....	94
колючки и узкая тропа.....	94
в зрелом возрасте возникает желание вернуться в старые места... ..	95
белые поля, чахлые сосенки и дорожка, утрамбованная снегоходом.....	95
репортаж	96
львы и олени идут по кругу серебряной чаши.....	97
в выборге.....	98
диван покачивается на волнах... ..	99
вода ниже человека.....	99
просто луна – полная... ..	100
змейка реки в разливах, в болотах.....	100
стих, там, где он оживает: в мире, где нет дела до живых слов... ..	102
<i>данила давыдов. послесловие</i>	103